

Часть I

Глава 1

уда тебя на сей раз несет, Радж Капур неугомонный?

— Куда? Ну, допустим... в сверсекретный правительственный бункер. Похожу, посмотрю, статейку напишу.

— Вот как. А пропуск у тебя есть? Там, насколько я понимаю, без пропуска делать нечего.

— Может, обойдусь без дотошной канцелярии. Пропуск ведь оформлять надо, а свободного времени у меня немного.

— Ну почему же, почему же? Например, коллега твой Коля время очень даже нашел на оформление...»

Вот ведь вредный старикан. Любит дядя Дима иной раз позлорадствовать, повспоминать о моих профессиональных промахах и упущениях. Ну, было дело, удалось в 2012 году Кольке Икоркину сутки провести в настоящем практически секретном бункере, когда некоторая часть населения многострадального земного шара бесилась по поводу теперь уже прошедшего двадцать первого декабря. Бесилась, в календарь майя тыкала, конца света ждала. Эка невидаль! Зато я почти за три месяца до псевдоапокалипсиса на двухсотлетию Бородинского сра-

жения побывал и множеством впечатлений запасся, которые впоследствии не раз обсуждал с дядей Димой. Он у меня читатель со стажем. Если попадает к нему в руки свежий номер нашей «Утренней строки», то проштудирует он его, что называется, от и до, обязательно запомнив самое интересное. Иначе и быть не может; все-таки в газете корреспондентом работает его племянник Михаил Крынников, то есть я.

Как вы уже знаете, работа у меня исключительно интересная и примечательная, прежде всего по части открытий. А уж мне с моим авантюрным характером скучать не приходится на ней никогда. Все как в одном старом, но хорошем кино про двух шалопаев-школьников:

Приключения, приключения.
Львы спускаются к водопою.
Что-то снова запахло штормом.
Шпаги наголо, господи!¹

Что ни говори, а с приключениями я не расстаюсь никогда. Это Колька у нас тяжелый на подъем домосед. Из своей берлоги лишней раз высовываться не любит и дальше Москвы не бывал. А я, если надо, весь мир объездить могу.

Правда, незадолго до ставшей для меня судьбоносной темы «поездка к реконструкторам» путешествовать в самое ближайшее время мне решительно никуда не хотелось. И дело тут не только в домашних хлопотах, но и в неутомном дяде Диме. Сидел бы себе тихо. Так нет же, узнал про мою предстоящую поездку, примчался, начал расспрашивать, выведывать секретную информацию, словно Штир-

¹ Песня «Приключения», музыка Т. Островской, слова В. Аленикова.

лиц заправский. А после, так и не добившись вразумительного ответа, решил уже своими планами со мной поделиться:

«— А я в Крым собираюсь съездить на недельку.

— Чего ты там не видел?

— Там тепло, там яблоки. И к тому же все, буквально все пропитано строками Льва Николаевича...»

После этих слов мой дядя, почти как по другому классику, «не в шутку занемог» и, очутившись в объятиях очередного литературного приступа (с ним такое иногда случается), принялся цитировать текст из школьной программы:

«Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском...»¹

Хоть и не особо мне нравится сей бородатый столп отечественной и мировой литературы, все же в ту минуту я на несколько мгновений представил себя бредущим по улицам героического города во время Первой его обороны². Ну или, на худой конец, просто побывавшим в той далекой эпохе, ощутившим ее дух, размах, биение.

Представил, а теперь с полной уверенностью могу сказать и себе, и вам: «Люди! Будьте осторожны в своих мыслях и желаниях — вдруг исполнятся...»

¹ Л. Н. Толстой. «Севастопольские рассказы».

² 349-дневную оборону русскими войсками Севастополя во время Крымской войны (1853–1856) называют также Первой обороной Севастополя, в отличие от обороны города в 1941–1942 гг. в ходе Великой Отечественной войны.

* * *

— ...Ну же, ну же! Я, право, начинаю скучать от столь вялой беседы!

— Извольте, развеселю!

Тонкая, но прочная металлическая полоса с шипением рассекла воздух, хищной змеей метнувшись вперед в очередном выпаде. Слишком поздно. Раздался звон металла о металл, послуживший сигналом начала. Снова выпад, сменившийся затем теснением. Финт, еще один. И опять победитель не выявлен.

— У-у-ух! Вдарил знатно своим прутом! Аж искры посыпались во все стороны!

— Их благородие сегодня что-то лютует. Аль не выпался после вчерашней трепки?

— Может, и не выпался. Кто его знает. Такой уж мой барин...

Зрители потихоньку переговаривались, с интересом глядя на то, как поединщики яростно обрушивают друг на друга все новые и новые порции ударов, надеясь найти долгожданную брешь в обороне и довершить бой. У одного из них это наконец-то получилось. Ловким, многократно отработанным приемом оружие выбито из руки противника, и схватка кончена. Аплодисменты с одобрительными возгласами, салютации, поклоны, и вот победитель на время остается в одиночестве, прерванном затем новым собеседником. Но на сей раз спор сугубо мирный:

— ...И что же, по-вашему, нужно для написания хорошего романа?

— Все правила тут заключаются в том, что так как роман есть картина человеческой жизни, то в нем должна быть представлена жизнь, как она есть, ха-

рактеры должны быть не эксцентрические, приключения не чудесные, а главное, автор должен со всею возможною верностью представить развитие и фазы простых и всем знакомых страстей так, чтобы роман его был понятен всякому и казался читателю как бы воспоминанием, поверкою или истолкованием его собственной жизни, его собственных чувств и мыслей.

— А вот мне думается, кроме всего этого нужна еще и кипучая сила, присущая молодым.

— Не соглашусь. Что есть молодость? Молодость — время бестолковое. Она неуравновешенна, несправедлива, неблагодарна. Сколько у молодых диких идей, спеси, сомнения! У них что ни день, то новые прожекты и изобретения, открытия давно открытого. Ох уж эти молодые люди! Пьяные сердцем и нетрезвые умом, но во всем и всюду лезущие в учителя.

— Однако ж каждому взрослому человеку, как и всему человечеству, до слез не хочется взростеть.

— Верно. И не потому ли всякий зрелый муж вздыхает у камина втихомолку: «О, как бы мне остаться навсегда молодым?» Помнит он и свои стихи, написанные в юности, а самого уж лета к суровой прозе клонят... Вот и мне уж сорок, а грусть по былому все чаще и чаще душу томит...

— Полно вам, Иван Александрович. Не кручиньтесь о прошедших годах. Давайте лучше продолжим наши занятия. Я, как видите, пока освободился, а ветер, кажется, сделался слабым, бом-брамсельным и более препятствовать не станет.

— И в самом деле погода подходящая... — Мой собеседник, секретарь адмирала Путятина, коллежский асессор, а по совместительству еще и будущий

классик русской литературы Иван Александрович Гончаров — автор «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва» и еще некоторых менее известных произведений — оторвал руку от фальшборта¹ военного фрегата «Паллада», уже начавшего свое долгое кругосветное плавание от Петербурга к берегам Японии.

— Мне нужно переодеться, — принц де Лень² перешел на французский и, закутавшись в короткое пальто, придерживая цилиндр, направился в каюту.

— Не задерживайтесь, — бросил ему вслед отставной подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов, уж два года как сменивший военный мундир на статское платье. Еще один знаменитый писатель и поэт, чье творчество мне, разумеется, тоже знакомо, постоял с полминуты на прежнем месте, облокотившись на фальшборт локтями и глядя вдаль на безбрежный морской горизонт, а после начал насвистывать песенную вариацию своей «Уланши» — дерзкого, хулиганского, наполненного матюками стиха. Вовремя спохватился и бросил это занятие. Есть морская примета, что свистом на палубе с легкостью можно нагнать шторм, а такие сюрпризы никому на «Палладе» не надобны.

— Как все строго на воде, — с грустью заметил Лермонтов. — И грустно...

¹ Объяснение этого и последующих морских терминов и названий, встречающихся в книге, см. в Приложении.

² «Принц де Лень», или просто «де Лень», — салонное прозвище И. А. Гончарова. Сам писатель прозвище это принял без возражения и иной раз подписывал свои письма: «Гончаров, иначе принц де Лень».

А уж мне-то как грустно, тезка мой известнейший. Не передать словами. Это неунывающему барону Мюнхгаузену хорошо. У него безвыходных положений не бывает, а у меня?

У меня один в один, как у вас, Михаил Юрьевич:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!¹

Вот только в отличие от лермонтовского узника вокруг меня отнюдь не голые стены, тускло освещаемые лучом лампы. Нет в моей «темнице» и двери, за которой в ночной тишине звучномерными шагами ходит безответный часовой. Есть лишь неопределенность. И она бесит, сводит с ума!..

Наверняка, узнав о моем положении, какой-нибудь биограф, литературовед, а то и просто рядовой историк негодуяюще воскликнет: «Что?! Лермонтов?! Бред! Никогда он не был отставным подполковником! Его вообще тут не должно быть в принципе!..»

Спорить не берусь, но факт остается фактом. И не отвертись от него. Товарищ Штерн из своей хроно-петли отправил меня в еще одну, скажем так, уже добровольную командировку во времени, которая должна завершиться долгожданным возвращением домой. Вот только, как мне кажется, что-то профессор там напутал с «маршрутным листом». Вроде бы обещание не забрасывать к динозаврам выполнил, а с остальными договоренностями пока проблема...

Не знаю только, какой у нее масштаб. Большой или не очень?

¹ Лермонтов М. Ю. «Узник».

Глава 2

Надевали ли вы когда-нибудь очки виртуальной реальности, садясь в кресло, оснащенное для пущей убедительности всякими три и более D-эффектами? Я пару раз надевал, катаясь на вагонетке в затерянном среди джунглей «Храме судьбы» или налетая на всевозможных вампиров и призраков в кишачем нечистью трансильванском замке. Та еще забава техническая. Удобно, безопасно и в любую минуту можно прекратить сеанс.

Но так было раньше в одном из городских парков Нижнего Новгорода, куда я с семьей ездил на выходные. Теперь же все иначе. Теперь я участник какого-то в высшей степени неожиданного для меня и невесть кем задуманного «аттракциона». Начался он со все той же крошечной темноты, пленником которой я стал сразу же после того, как Штерн далеко не милостиво выпроводил меня вон из тела своего злобного внука, ткнув в шею оголенными проводами. Вас током когда-нибудь било? А уж меня-то как шандарахнуло. Словами не передать, до чего же неприятно. В результате — черная пропасть, резкий рывок и тьма рассеивается, чтобы явить мне новые чудеса и новую реальность. Перескочил так и я в очередное прошлое, отчасти похожее на все ту же до скрежета зубовного знакомую мне царскую Россию. А точнее, в Россию второй половины девятнадцатого века. А еще точнее, в октябрь тысяча восемьсот пятьдесят второго года. Вот свезло так свезло вам, Михаил Иванович. Эпоху последнего русского императора Николая Второго вы уже видели, теперь извольте лицезреть эпоху его «незабвенного»¹ прадеда

¹ Именно так в народе называли императора Николая I (1796–1855).

Николая Первого, иначе именуемую «николаевское время».

Что я знаю о нем? Если не считать школьных уроков истории и литературы (декабристы, Третье Отделение, Пушкин, вальсы Шуберта, хруст французской булки и прочее, прочее, прочее), то из относительно недавнего исторического ликбеза можно припомнить разговор двух стариков, ехавших вместе со мной и Бакуниными в электричке от Москвы до Тучкова. Я их почему-то прозвал Бобчинским и Добчинским — болтают, как сороки, правда, не столь бестолково, как гоголевские городские помещики. И шибко ругаются:

«— ...Незабвенный? Ха! Нет, Палкин, только Палкин. Забыть такого питона реакционного точно нельзя. Душил все и всюду, срубая любую голову, рискнувшую подняться выше царственного уровня. А началось удушение со льда Сенатской... Но это лишь кровавая прелюдия. Что же дальше?

— А дальше неустанная охота на говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных, с помощью верных псов самодержавия, имена которым Бенкендорф и Дубельт. Поймают несчастного и нутасить в свою контору у Цепного моста. Тащили, тащили, допрашивали, допрашивали, в Сибирь ссылали, в Петропавловку сажали, а хитрец Медокс все равно и ищеек, и царя вокруг носа обвел со своей придумкой¹. Но разве это открыло глаза Палкину на происходящее? Нет! Он заглядывал

¹ Речь идет о мифическом заговоре уже сосланных в Сибирь декабристов (т. н. «Союз Великого Дела»), «разоблаченном» авантюристом Романом Медоксом в 1833 году. Стал одной из самых громких авантюр не только царствования Николая I, но и всего XIX века.

в «Свод» Боровкова¹, а у самого под носом творился бардак.

— Воевал незабвенный тоже не ахти. С Персией сначала подрался — мир праху твоему, невинно убиенный Александр Сергеевич². После с Турцией очередная склока у него вышла. В Кавказе завяз. Польшу в крови утопил³. Венгерский поход⁴ затеял во спасение Габсбургов, которые впоследствии предательски всадили нам нож в спину во време-

¹ Т. н. «Свод показаний членов злоумышленного общества». В самом начале своего царствования Николай I поручил правителю дел (секретарю) Следственного комитета о злоумышленных обществах А. Д. Боровкову обобщить все сказанное декабристами во время суда и следствия, касаясь «исправления дел в России». Было сделано извлечение из ответов С. Б. Батенкова, В. И. Штейнгеля, А. А. Бестужева, П. И. Пестеля. «Свод» был представлен императору 6 декабря 1827 года.

² Речь идет о русском дипломате, поэте, драматурге А. С. Грибоедове (1795–1829). Был известен тем, что твердо отстаивал интересы России на дипломатическом поприще. По окончании русско-персидской войны 1826–1828 гг. добился выгодного для России «Туркманчайского договора», что вызвало недовольство не только в Персии, но и в Англии, которой мир между Персией и Россией был невыгоден. В отместку английские агенты начали готовить провокацию. Следствием ее стало почти поголовное истребление русских в посольстве в результате акции мусульманских фанатиков. В числе погибших оказался и Грибоедов.

³ Имеется в виду Польское восстание 1830–1831 гг. — восстание против власти Российской империи на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Правобережной Украины. Было подавлено русскими войсками.

⁴ Речь идет о походе русских войск под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, направленных Николаем I в помощь Австрийской империи на подавление венгерской революции 1848–1849 гг. Вступление России в борьбу на стороне контрреволюционных сил привело к неминуемому поражению Венгрии.

на Крымской кампании¹. И все это с солдатами, вооруженными гладкоствольными, старыми, расстрелянными, разбитыми, ржавыми внутри, чистенными кирпичом вопреки предупреждению Левши ружьями...»

И т. д. и т. п. Слушайте, Михаил Иванович, критику «николаевского времени» и запоминайте — авось пригодится.

Может, и пригодится, а пока...

Пока положение следующее. Я, словно некий астральный придаток-квартирант, «подселен» в тело Михаила Юрьевича Лермонтова. Уже и не помню, сколько времени прошло с той поры, как я вижу его глазами, слышу его ушами, чувствую все то же, что и чувствует он, но при этом остаюсь безвольным и бесплотным наблюдателем, абсолютно не способным влиять на происходящее.

Пытаюсь освободиться, вырваться!..

Получается плохо.

Скверные ощущения. Как будто бултыхаешься в большом невидимом «пузыре». Ты подплываешь к краям, пробуешь руками продавить преграду, нарываешься на болезненный укол и отлетаешь к центру. «Не шали, — слышу я раз за разом чей-то шелестящий голос, идущий словно отовсюду. — Накажу...»

¹ В самом начале Крымской войны Николай I был уверен в поддержке Австрийской империи, однако надеждам этим не суждено было сбыться. Несмотря на то что Австрийская империя не вступила в конфликт на стороне антироссийских сил, ее положение по отношению к России было враждебным. Николай впоследствии с горечью заметил: «Самым глупым из польских королей был Ян Собеский, а самым глупым из русских императоров — я. Собеский — потому, что спас Австрию от турок в 1683-м, а я — потому, что спас ее от венгров в 1848-м».